

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

ПУТЕШЕСТВИЕ СТРАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Представляем главы из новой книги нашего давнего автора Константина Гнетнева. Книга создана по следам путешествия, предпринятого несколькими российскими писателями в 1856–1857 годах по предложению Морского ведомства. Путешествие осталось в истории российской словесности под названием «литературной экспедиции».

В рамках экспедиции побережье Белого моря исследовал молодой литератор С.В. Максимов, имя которого стало широко известным после выхода итогового труда – книги «Год на Севере».

Маршрут путешествия К. В. Гнетнева во многом повторяет прежний, более чем 150-летней давности. Как подчеркивает автор, его задачей было показать Поморье на рубеже XX–XXI веков и убедиться, что за полтора века политических, экономических и социальных катаклизмов и катастроф, выпавших на наше многострадальное Отечество, свободолюбивый и деятельный поморский характер если и переменился, то немного.

В самом начале лета 1856 года, когда старая почтовая дорога из Архангельска на Онегу, а затем далее по побережью в отдаленные приморские уезды немного подсохла, на беломорских берегах появился странный путешественник. Был он молод, худ и долговяз, носил очки и не брил бороду. Путешественник останавливался в поморских селах, входил в избы, заводил разговоры о местных обычаях и преданиях старины, расспрашивал о промыслах, о том, как создается семейный достаток и что поют на деревенских праздниках.

Встречали его с большим недоверием. Поморы были уверены, что расспросы про «сущую ерунду» не более чем прикрытие. Наверняка долговязый господин из столицы с неизменной тетрадкой в руках выведывает что-то такое, что обернется потом очередной государственной тягостью – новыми налогами или другой напастью. С особой опаской дер-

жались старoverы, которых в Поморье было достаточно в каждом селе.

В Поморье еще хорошо помнили царя Петра. За время трех северных путешествий сушей, реками и морем молодой правитель хорошо узнал крепкую духом и телом поморскую натуру. Петр создавал российский военный флот, и на беломорских берегах один за другим объявлялись рекрутские наборы. В 1714 году Петр предписывает архангельскому генерал-губернатору призвать на государеву военную службу пятьсот мужчин:

«В Сумском остроге, на Мезени и в других местах, где есть лучшие работники, которые ходят на море за рыбным и звериным промыслом на кочках...» Причем с условием, «чтоб они были не стары и не увечны, а именно чтоб летами более как по 30 лет».

Поморские семьи, рабочие руки в которых всегда были наперечет, очень неохотно отдавали в государеву службу молодых мужиков. Промыслы хирели, семьи беднели. Однако шла Северная война, и, чтобы придать делу надлежащую динамику и размах, в Поморье был направлен «лубенахт и кавалер» Синявин.

И спустя полвека рекрутчина не была забыта, поскольку оставила гнетущие последствия, получив в народе наименование «синявщины». Самого «лубенахта» в Поморье именовали «вторым Мамаем, вторым Бироном». И было отчего: в одном 1715 году на Русском Севере было призвано 2000 человек. Только в Кемской волости военную форму вынуждены были надеть 85 молодых поморов.

Большой удар нанесла Петровская реформа исконному местному судостроению. Петр развернул в Архангельске мощную судостроительную индустрию, положив в её основание иноземные образцы. Одновременно он запретил в этом деле всякую самодельность. 28 декабря 1715 года царь направил в Архангельск указ, которым предписал местному населению впредь строить не лодьи и кочи, а «морские суды галиоты, гукары, каты, флейты...»

Однако инерция оказалась велика, и поморы продолжали строить суда так, как их научили отцы и деды. Через четыре года царь ужесточил требования:

«Кто станет делать после сего указу новые, тех с наказанием ссылатъ на каторгу, а суды их изрубать...»

Из Архангельского порта было запрещено отправлять с товаром торговые суда «прежнего дела», то есть построенные на основе старинной поморской традиции.

После такого начальственного внимания поморам было чего опасаться.

Странный путешественник ставил в неловкое по-

ложение и местное начальство. В канун его приезда во всех уездах по пути его следования получили указ губернского правления об оказании всяческого содействия г-ну Максиму – уполномоченному Морского министерства... Уполномоченный министерства – значит, чиновник, размышляли начальники на местах, от них жди беды. Но столичный очкарик молод и бородач, что никак не вязалось с чиновничьим обликом. Все знали, что ношение бород на государственной службе строго воспрещалось.

И как же прикажете с ним держаться? На всякий случай решено было относиться как к «большому начальнику» и всячески помогать. Г-на Максимова сладко встречали, беспрекословно обеспечивали карбасами и экипажами и без задержек отправляли по побережью всё дальше и дальше, как говорится, с глаз долой и от греха подальше.

В свою очередь, созданный уездным чиновничеством облик «большого начальника» крепко мешал путешественнику в его занятиях. Писатель впоследствии вспоминал, как часто разговорившийся в дороге помор-попутчик завершал беседу неожиданной просьбой:

«Батюшко, ваше сиятельное превосходительство, не пиши ты этого: может, и сболтнули мы тебе чего неладного. Не погуби ты нас, сделай милость!»

Огромных усилий и терпения требовалось, чтобы убедить жителей прибрежных сел и деревень в том, что его интерес искренний, он не чиновного роду-племени и его действительно интересуют повседневная жизнь поморов, их бытование в семье, праздники и обычные занятия хлеба насущного ради.

Так кто же был таков г-н Максимов? С какой целью он оказался на Белом море? И почему мы вдруг вспомнили об этом путешествии более чем полтора века спустя?

Дело в том, что писательская поездка осталась заметным явлением в истории Русского Севера вообще и российской литературы в частности. Предыстория её такова.

В 1856 году Парижским миром завершилась Крымская война (1853–1856), невероятно тяжелая, кровопролитная и исполненная героизма, поражений и многих жертв. Война доказала очевидную для прогрессивных людей того времени мысль, что российская военная доктрина безнадежно устарела.

Великий князь Константин Николаевич, в ту пору молодой генерал-адмирал и председатель Ученого Русского географического общества, одним из первых понял необходимость реформ на порученном ему участке государственного и военного строительства – флоте. Одной из его идей стала органи-

зация набора матросов для пополнения флотских экипажей в приморских местностях из мужчин, сызмальства приученных к морской работе. Именно такой была практика французского военного флота того времени («морская записка»).

Чтобы реализовать подобный план, следовало изучить, в каком же состоянии пребывает поморское население страны, каковы быт, культура, нравы, духовное здоровье людей, живущих на отдаленных от столиц и больших городов пространствах Российской империи.

11 августа 1855 года Великий князь отдал приказ директору Комиссариатского департамента министерства князю Д. А. Оболенскому:

«Прошу Вас поискать между молодыми даровитыми литераторами (напр., Писемский, Потехин и т. под.) лиц, которых мы могли бы командировать на время в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в «Морской сборник», не определяя этих лиц к нам на службу...»

Расчёт строился на молодых, талантливых и амбициозных. Предлагалось дело, которое, с одной стороны, *«открывает поприще общественной деятельности, а с другой, доставляется возможность... довершить свое образование и почерпать из обильного источника русской жизни живые образы и новые материалы для литературных произведений».*

В Морском министерстве опасались большого числа желающих выехать за казенный счет с одной только целью – для составления *«лёгоньких литературных статей (по вкусу нашей публики), сентиментальных и живописных, но цели не соответствующих».* Но, как оказалось вскоре, опасались напрасно: литераторы в очередь не выстроились.

Один за другим отказались принять участие в поездке писатели с именами. Большую часть вакансий с трудом удалось заполнить лишь к 1856 году. Никак не находилось желающих ехать в «негостеприимные, суровые и холодные страны севера». Только в феврале 1856 года в северные пределы Империи согласился поехать молодой литератор, к тому времени известный лишь узкому кругу читающей публики, студент С. В. Максимов.

Всего же предпринятие Морского министерства, полувившее в истории российской словесности наименование «литературной экспедиции», объединило восемь литераторов. В ней приняли участие: А. Афанасьев-Чужбинский, Г. Данилевский, М. Михайлов, С. Максимов, А. Островский, А. Потехин, А. Писемский и Г. Филиппов.

Не все из них соответствовали первоначально-

му представлению руководителей морского ведомства. К примеру, у Максимова не было не только сколько-нибудь значительного писательского опыта, но даже ни одной книги. С. В. Максимова в состав экспедиции на свой страх и риск рекомендовал один из редакторов журнала «Современник» И.И.Панаев. И у него были к тому серьезные основания.

24-летний студент второго курса Императорской медико-хирургической академии, сын мелкого помещного дворянина родом из посада Парфентьева, что затерялся в глухом углу Костромской губернии, Сергей Васильевич Максимов вырос в среде, наполненной интересом и любовью ко всему исконно русскому.

Детство, проведенное главным образом на улице среди сверстников из простых семей, круг чтения, сформировавшийся в отцовской библиотеке, хорошие преподаватели в Костромской гимназии, сама атмосфера в государстве, в первые десятилетия после Отечественной войны 1812 года наполненная мощным ростом национального самосознания, – все это предопределило интерес юноши к словесности и тягу к изучению всего того, что именуется народной культурой.

Тем не менее статья филологом не удалось. В 1850 году, когда Максимов приехал в Москву для продолжения учебы, поступить можно было только... на медицинский факультет. Напуганное революциями и волнениями в Европе и студенческой смутой дома («петрашевцы»), правительство приостановило приём на все другие факультеты. Два года он изучал медицину, хорошо понимая, что никакого врачебного призвания у него нет, а затем перебрался в Санкт-Петербург, с мечтой о столичном филологическом факультете. Но, увы, и здесь учиться можно было только на медика.

В Петербурге Максимов продолжил литературные опыты, начатые еще гимназистом. Знакомства среди журналистов и литераторов значительно расширили круг общения юноши, привили начатки необходимого опыта.

«У вас хорошие задатки, – сказал начинающему литератору И. С. Тургенев при личной встрече. – Ступайте в народ, внимательно наблюдайте, запасайтесь свежим материалом...»

Одобренный в новом поприще признанным мэтром, Максимов совершает ряд путешествий по Костромской и Нижегородской губерниям. По результатам он публикует очерки народного быта, и вскоре имя его становится узнаваемым в литературной среде.

Ряд «физиологических очерков» в «Библиотеке для чтения» и несколько статей в других изданиях

– это всё, что имел молодой литератор в творческом багаже, перед тем как отправиться в серьёзное и трудное путешествие в отдалённые пределы Отечества.

11 февраля 1856 года С. В. Максимов подал прошение об увольнении из академии и отправился на Север.

Между тем, пока члены «литературной экспедиции» готовились выехать из столицы к местам назначения, запущенный Великим князем Константином Николаевичем механизм в военном ведомстве работал вовсю. С искренним служебным рвением чиновники делали всё, чтобы... погубить дельную инициативу на корню. Управляющий министерством барон Ф. П. Врангель, вследствие чрезвычайной серьезности предстоящей работы, приказал разработать подробный план-программу для каждого участника. Мало того, литераторы, по его мнению, должны были пройти специальное испытание. Оно заключалось в подготовке отчета об имеющихся материалах по каждой из территорий и её обитателях, но «с некоторым критическим разбором и с указанием на неполноты».

Когда Великому князю доложили о чиновничьих идеях, программах и испытаниях, он отмахнулся от них, как от надоедливой мухи. В результате литераторам, наряду с устными рекомендациями общего порядка, дали в дорогу лишь послания, в которых, в частности, говорилось:

«...Морское начальство, не желая стеснить таланта, вполне предоставляет Вам излагать Ваше путешествие и результаты Ваших наблюдений в той форме и в тех размерах, которые Вам покажутся наиболее удобными, ожидая от Вашего пера произведения его достойного как по содержанию и изложению, так и по объему».

Кроме послания, каждый участник экспедиции получил рекомендательные письма к губернским властям и денежное содержание на полгода вперед в сумме 600 рублей. Чтобы представить себе, насколько значительна была эта сумма, напомним, что хорошая лошадь в то время стоила не более 50 рублей, а за 1 пуд (16 кг) хлеба просили до 90 копеек.

Нам сегодня любопытно и то, что 1000 вёрст до Архангельска во вьюжном феврале 1856 года молодой литератор С.В. Максимов преодолел на лошадях всего за пять дней.

Остаток зимы путешественник провел в Архангельских губернских архивах. Прежде чем тронуться в путь, три месяца молодой литератор изучал написанное о Северном крае прежде. Он целыми днями листал подшивки газет, читал и конспектировал сообщения с мест и разного рода статьи и заметки специалистов, священников и краеведов – всё, что

могло дать представление о малоизученной и почти неизвестной жизни российской окраины.

За несколько летних месяцев 1856 года С.В.Максимов прошел южную часть беломорского побережья, побывал на Соловецких островах, на Терском, Карельском и Поморском берегах и добрался до тогдашнего административного центра Лапландии – Колы.

С наступлением морозов путешественник пересел с карбаса и почтового тарантаса на санную упряжку. С октября 1856 по февраль 1857 года он проделал долгий и трудный маршрут по заснеженному льду крупнейших северных рек Мезени, Пинеги и Печоры...

Путешествие по очень плохим дорогам летом и снежной бездорожной и бескрайней целине зимой, по морю, часто в шторм и непогоду, оказалось исполненным трудностей и лишений. Ни одному из членов экспедиции не хватило полугодового содержания в 600 рублей. Максимов писал, что выделенные средства были истрачены до срока *«на подъем, на обеспечение зимней дорожной одеждой, на переплаты по неопытности в пути на чужбине...»*

Тем не менее в Петербурге от участников экспедиции ждали результатов, то есть качественных статей о жизни в тех «странах», которые они вызвались изучить. Организатор экспедиции определил срок (по истечении полугодия), когда должны быть представлены первые материалы.

К сроку успели лишь единицы. С. В. Максимов никаких материалов представить не смог и ответил письмом:

«Часть и огромные переезды при замечательной трудности дойти до желаемых результатов поглощают всё проживаемое здесь время и отнимают возможность успокоиться настолько, чтобы собраться и привести в одно целое всё виденное и выспрошенное...»

Но и на этом трудности не закончились. Оказалось, что главным оценщиком литературного материала назначен Морской ученый комитет под председательством вице-адмирала М.Ф. Рейнеке. Адмирал знакомился с текстами лично и очень жестко подходил к отбору статей в журнал «Морской сборник». Многие тексты оказались забракованными.

Однако если для других литераторов назначение Рейнеке в качестве «приёмщика-оценщика» статей создавало проблему чрезвычайной сложности, то Максимову с этим невероятно повезло. Адмирал высоко отозвался о беломорских очерках и, к удивлению самого автора, взял в «Морской сборник» почти всё из написанного Максимовым. Только небольшую часть отклоненных текстов ему пришлось опубликовать в газете «Сын Отечества» и журнале

«Библиотека для чтения», включив потом в итоговую книгу «Год на Севере». Позже, пытаясь понять излишне либеральное отношение к себе М.Ф. Рейнеке, С. В. Максимов писал:

«Вероятно, под увлечением воспоминаний молодости, лучшего времени жизни, когда началась его блестящая впоследствии карьера, строгий ценитель статей не хотел замечать легкой повествовательной формы очерков северного края и быта его жителей».

«Лучшее время жизни», которое имел в виду Максимов, – это беломорский период службы Михаила Францевича Рейнеке.

Не знаю, известно ли было Максиму, что во всем Морском министерстве в то время невозможно было найти офицера, который лучше знал, понимал и любил Белое море со всеми его островами и побережьями, чем М. Ф. Рейнеке. К сожалению, сегодня мы почти забыли этого блестящего моряка и гидрографа, так много сделавшего для безопасности беломорского судоходства. Мне это кажется несправедливым.

Михаил Рейнеке попал на Белое море, в Архангельск 20-летним мичманом и прикипел к Северу всей душой. Перед ним открывались блестящие перспективы в Адмиралтействе и в дальних походах, всегда так манящих молодых флотских офицеров. Но он остался верен этой суровой стране.

В 1825 году лейтенант Рейнеке вошел в экспедицию Ф.П. Литке, которая на бриге «Кетти» продолжила изучение подводного рельефа северной части Белого моря, начатое в 1816 году. Через год М.Ф. Рейнеке уже возглавил Кольскую экспедицию, задача которой состояла в продолжении гидрографических работ на Мурмане.

Как отмечают специалисты, Кольская экспедиция произвела детальную опись Кольского залива, острова Кильдин и всего Мурманского берега до норвежской границы включительно. Результатом большой и важной работы стали не только новые морские карты побережий, но и самая совершенная по тому времени лоция.

В конце зимы 1826–1827 годов Михаил Францевич Рейнеке принял руководство Беломорской экспедицией. Особый смысл в этом назначении виден уже в том, что он был рекомендован на эту должность известнейшим и авторитетным российским мореплавателем И. Ф. Крузенштерном.

Беломорская экспедиция, в составе которой были 12 офицеров, один врач, 79 нижних чинов и два лоцмана, должна была уточнить и дополнить устаревший и изначально во многом неточный «Атлас Белого моря с прилегающими зали-

вами Онежским и Кандалакшским...» Голенищева-Кутузова.

Работа оказалась очень трудной и опасной, зачастую на грани гибели. Экспедиционный бриг «Лапоминка» да две шхуны без названия, а лишь под номерами №1 и №2, в течение пяти лет бороздили Белое море. Объем исследований, который удалось выполнить экспедиции, поразил специалистов. На основании полученных данных в 1833 году были изданы «Атлас Белого моря» и вслед за ним труд «Гидрографическое описание северного берега России» в двух частях: «Лапландский берег» и «Белое море».

Рейнеке не только непосредственно руководил гидрографическими работами, организовал целый цикл метеорологических и магнитных наблюдений, но и изобрел несколько приборов для исследования колебаний уровня моря и прозрачности воды.

За труды на Русском Севере Петербургская академия наук присудила М. Ф. Рейнеке высшую награду – Демидовскую премию, а через пять лет избрала своим членом-корреспондентом.

Историки сообщают о высоких профессиональных и человеческих качествах Михаила Францевича. В частности, в экспедиции он в полной мере разделял с «нижними чинами» все тяготы и лишения походной жизни. Достаточно сказать, что руководитель экспедиции лично да с ним еще только три офицера приняли участие во всех без исключения плаваниях экспедиционных судов.

Чтобы представить себе, насколько тяжелой оказалась работа Беломорской экспедиции, достаточно сказать, что далеко не все опытные и подготовленные моряки выдерживали её. Так, в 1829 году, после первого плавания по Белому морю, умер, подорвав здоровье, лейтенант Александр Котельников. Осенью 1833 года не сумел оправиться от тягот летних навигационных рейсов лейтенант Иосиф Милюков. Не смогли выдержать тяжести морской работы члены экспедиции мичманы Иустин Рубанов и Алексей Тверетинов...

О том, какой опасной была работа, свидетельствует следующий случай из обычной рабочей экспедиционной практики. 25 июня 1827 года две шлюпки с шестнадцатью матросами отправились на остров Моржовец для описи берега и устройства знака. Внезапно налетевшим шквалом шлюпки разбило о скалы. Двое суток моряки провели на голой скале без огня и пищи под непрерывным ветром и дождем. И они не только выжили, но и выполнили порученное задание...

В «беломорской истории» М.Ф. Рейнеке есть очень важный штрих. На мой взгляд, он хорошо характеризует его не только как блестящего морского

офицера, но и как гражданина, трезво оценивающего политическую обстановку в стране.

Некий Алексей Иванчин-Писарев был сослан в Архангельск за участие в декабрьском восстании 1825 года. Целью подобных ссылок всегда полагалось не только «законопатить» офицера куда подальше без шансов на сколько-нибудь приличную карьеру, но «под бдительным надзором начальства» да на студеном арктическом ветру добиться «исправления образа мыслей».

Рейнеке принял Иванчина-Писарева своим помощником в экспедиции, высоко оценил его деловые качества, а затем... даже представил к производству в лейтенанты. Это могло повлечь неприятности, но представление Михаила Францевича оказалось весьма убедительно. В 1830 году лейтенанта Алексея Иванчина-Писарева Рейнеке назначил командиром главного экспедиционного брига «Лапоминка»...

Современный историк вполне справедливо подзревает, что и сам Рейнеке «во многом разделял» образ мыслей подчиненного. Вероятно, это так, поскольку будущий участник декабрьского восстания Михаил Бестужев был его товарищем по Кадетскому корпусу и сослуживцем. Весной 1821 года три молодых офицера – М.Рейнеке, М. Бестужев и П. Нахимов – были направлены для прохождения службы в Архангельск. Дружескую переписку с братьями Бестужевыми, Михаилом и Николаем, Рейнеке продолжал и после того, как они были отправлены в ссылку в Сибирь.

Сделавший блестящую карьеру, вице-адмирал М. Ф. Рейнеке не смог забыть Север всю свою последующую жизнь. Как только мог, он помогал в его развитии. Именно ему обязаны открытием мореходные школы в Архангельске и Кемии. Он основал «Записки Гидрографического департамента», в которых публиковал ценнейшие материалы, в частности, отчеты экспедиций на Новую Землю под руководством П.К. Пахтусова, А.К.Цивольки, К.М. Бэра и С.А. Моисеева.

Имя адмирала Рейнеке, равно как и некоторых

его товарищей по Беломорской экспедиции, увековечено на карте студеной Новой Земли.

«Литературная экспедиция» оставила значительный след в российской словесности. Побывавший на Каспии А. Писемский написал роман «Тысяча душ», который в 1858 году принес ему европейскую известность. Совершивший большое путешествие по Волге, будущий известный драматург А.Островский именно здесь подсмотрел черты для своих ярких и характерных героев, «живущих» в российском обществе и до настоящего времени. Пьесы А. Островского и сегодня с неизменным успехом идут на российских сценах, убедительно показывая нам Россию середины XIX века.

Публикация очерков участников «литературной экспедиции» вызвала в обществе огромный интерес к жизни на далеких российских окраинах. Большое внимание читателей привлек «Морской сборник». Число авторов и подписчиков у журнала выросло настолько, что редакции пришлось увеличивать и объем книжек, и количество годовых номеров.

В 1859 году С. В. Максимов двумя томами выпустил в свет итог своего путешествия – книгу «Год на Севере». И хотя её невозможно отнести ни к художественному произведению, ни к научному труду специалиста-этнографа, книгу признали сразу. Журнальные редакторы и критики писали о безусловных литературных достоинствах работы. Отмечали книгу как выдающееся произведение и специалисты в области географии и этнографы. Автор строгой «Записок Русского Географического общества» так писал о работе С. В. Максимова:

«Рассматриваемое сочинение хоть и не представляет систематической связи этнографии и истории (что, впрочем, и не было целью автора), но для того, кто в истории ищет народной жизни, должно быть названо одним из важнейших для нее пособий».

Признанием научной и общественной пользы книги «Год на Севере» стало присуждение С.В.Максимову малой золотой медали Русского Географического общества.

«Год на Севере» открыл Поморье всей России. Независимый, часто своенравный характер помора, выковавшийся в непрестанной борьбе со стихией, стремление к воле, простору, личностная самостоятельность гражданина, генная память которого не нарушена веками крепостного права, своеобразная культура поморов – всё это вдруг узнало читающее Отечество. Северная приполярная свежесть, новизна, память о позабытой уже народной свободе и воле оказались чрезвычайно привлекательны в обществе того времени.

«Год на Севере» стал одним из самых популярных изданий в России второй половины XIX века. Книга С. В. Максимова переиздавалась на протяжении более чем двадцати лет с регулярностью раз в пять лет. Как и многое другое, написанное С. В. Максимовым позже, эта книга переиздается и в наши дни.

Литература о Белом море и жизни на побережье, созданная за полтора века после известной «литературной экспедиции», сегодня может составить обширную библиотеку. Подсчитано, что один только научный беломорский фонд и только за последнее пятилетие XX века пополнился 2000 статьями объемом в 650 печатных листов.

В Беломорье выросла плеяда замечательных русских писателей, создавших особый «северный пласт» в российской словесности. Научное изучение природных ресурсов обширнейшего и своеобразного приполярного региона, историческое и художественное осмысление процессов, происходящих в Поморье, начатое до путешествия С.В.Максимова и продолженное в XX веке, имеют своих последователей и в веке XXI.

Тем не менее еще в начале 80-х годов прошлого века, предваряя вступительным словом книгу известной северянки, учёного-биолога и знатока Беломорья К. П. Гемп, академик Д.С. Лихачев писал:

«Книг о Русском Севере не так много. Есть книги о северном деревянном зодчестве, о северных ремеслах, о северном фольклоре, но о Севере как таковом, о мужественных и простых северянах, никогда не испытывавших на себе гнетущей униженности крепостного права и сохранивших во всей своей манере работать, держаться, общаться друг с другом уважение к человеку, – таких книг почти нет».

В начале XXI века этот вывод не потерял актуальности. Продолжателей С. В. Максимова и сегодня немного. Работа в специфической сфере, получившей в профессиональной среде наименование «литературы факта» или «документальной прозы», весьма непроста. И причина здесь не только в известных тяготах при сборе материала,

которых на Белом море вовсе не стало меньше. Главная трудность состоит в умении литератора синтезировать обыденную повседневность, превращая рассказ о жизни реальных людей в реальных населенных пунктах в повествование, полезное для будущих поколений и одновременно интересное широкому кругу читателей.

Безусловно, иным стало Поморье. Другие беломорские поморы живут на студеных берегах. Изменились их труды «хлеба насущного ради». Совсем не похоже семейное и общественное бытование на то, что было 150 лет назад. Однако жизнь здесь продолжается, и моя книга пусть будет тому очередным свидетельством. Скромной моей задачей стали не этнография и история, но главным образом рассказ о судьбах людей, связавших с Поморьем свою жизнь.

Мое путешествие по беломорским берегам растянулось не на один год, а на несколько десятков лет. Кандалакшский и Онежский заливы, Соловецкие острова, Мезень, беломорские острова, маяки, рыбацкие промысловые бригады, большие и маленькие поморские села и районные города – вот адреса, где жили и живут мои собеседники и герои.

Свои поездки я выстроил в книге по географическому признаку, в путешествие, значительная часть которого проляжет по маршруту С. В. Максимова. Путь пройдет вдоль берега Белого моря с севера на восток. Именно это направление поморы в старину определяли выражением «на восход солнца».

Итак, в компании автора «Года на Севере» и других его последователей мы отправляемся в дальнюю дорогу.

СТАРШИНА (острова Кималища)

Туман медленно наплывает с юго-востока, обволакивает со всех сторон, закручивается в тугие жгуты и винтом уходит куда-то в сторону и вверх. Проходит минута-другая, и вот уже сквозь мутное стекло иллюминатора не видно ни зги.

Ничего не остается делать, как натянуть штормовку и подниматься наверх.

На палубе прохладно. Деревянный настил палубы, забытый с вечера топор, провисшие тросики вантов вдоль борта – всё покрылось пленкой из мельчайших капель тумана, – коснешься, капли лопаются, остается холодный мокрый след, словно ожог.

Первый утренний ветерок проносит седые ключья мимо борта, рвет их, и в образовавшихся просветах нет-нет да мелькнут россыпи слабых огоньков.

Огоньки эти как память о далекой жизни без зыбкого покачивания, утомительного и надоедливого скрипа в разных далёких углах, от которого на нашем маленьком суденышке некуда деваться.

Старшина бота дядя Саша уже на палубе. Он сидит, нахохлившись, посматривает на море, сосредоточенно курит, всем видом выражая крайнее неудовольствие порядком, который сложился на вверенном ему судне. Устно свое неудовольствие дядя Саша выразил вчера, когда мы пришли в район будущих работ и бросили якорь. Научный руководитель рейса, молоденький аспирант Борис Львович достал сети, чтобы выставить на ночь. Дядя Саша увидел эти приготовления и взмолился:

– Да вы что, издеваетесь? – закричал он на Бориса Львовича. – С ночевой в море вышли и что, даже уши не попробуем?

– Почему вы решили, что не попробуем? – хладнокровно ответил аспирант, одним пальцем насовывая поглубже на переносицу сползающие очки. – Не с удочкой пришли, сети вот ставить будем.

– Не смеши ты меня Бога ради, Львович, – укоризненно прогудел дядя Саша. – Четыре куцые сеточки в море взял – то-то уши наедемся, разевай рот!

– А нам, товарищ старшина, больше не полагается, – сухо отрезал научный руководитель. – У нас, если хотите знать, в разрешении именно такое количество снастей указано.

– Эту бумагу кто писал? – наседали дядя Саша, и голос его становился все более язвительным. – Ясно – конторские, кто же ещё. Где писали? В конторе. А здесь море, здесь свой порядок, его конторой не предусмотришь.

– Совесть, уважаемый старшина, она везде должна быть одна, – резко прекратил дискуссию окончательно замерзший в сырой осенней промозглости моря аспирант. – И никакой разницы быть не должно – в море или в конторе.

От тяжелой справедливости этих слов на палубе стало еще холоднее.

– Ду-у-у-рак, прости Господи! – выругался дядя Саша. – Увидите, консервы посреди моря жрать будем. Сами ставьте эти свои рибушки, сами снимайте, а я вам не мальчик какой-нибудь.

Так они поговорили вчера, два наших руководителя: один судоводитель, старшина, то есть по статусу капитан, а второй учёный, начальник над научной частью рейса.

Мы не вмешивались. Бывают такие переплёты, когда сразу необразишь, какой стороны держаться. Все вроде бы правы – каждый своей маленькой правдой, а общая на всех большая правда

не складывается. И от того никакого удовлетворения для всех не получается.

Ведь на самом деле, с одной стороны, есть разрешение на проведение контрольного лова беломорской сельди, узаконенное печатью и подписями. В бумаге прямо указано: «...четыре односетных сети ячеей до 22 мм и длиной не более 25 мм». С другой стороны, вот он, дядя Саша, со своим опытом. Он в этих местах бригадиром двадцать лет зимой и летом рыбу ловил и лучше всех контор мира знает, что с таким, прости Господи, «промвооружением» лучше ночевать дома, а не переться сквозь туман на губу. По-рыбацки, по-поморски прав, конечно же, он. Тем более мы знаем, что в трюме в бумажных мешках полтора десятка новеньких, перед самым рейсом выкрашенных сеток-сельдянок лежат.

Ну, а коли такое заявление от старшины прозвучало, пришлось Борису Львовичу брать в напарники совсем молоденького практиканта-гидролога и отправляться ставить четыре контрольные сети. Они долго где-то плавали, потом стали кричать в голос и часа через два, мокрые и совершенно без сил, выгребли на луч судового прожектора, который пришлось включать ради такого случая.

...Хорошее это время на судне, когда после долгого перехода бросают якорь, глушат надоевший дизель, не спеша топят печурку в салоне и приглашают команду на чай. Вот тут-то наступает состояние душевной размяченности и простоты. Вот здесь и бывают хорошие разговоры.

Но вчера настроение было испорчено ссорой, и душевности не получилось. Дядя Саша рано лёг спать и всё время ворчал: то ему дверь закрой, мол, сквозняком садит, то по палубе не броди, в голове топотня отдается, как в барабане...

Мы уже несколько дней в рейсе и привыкли к ворчанию старика. Вначале кое-кто не мог сдержаться, огрызался, но Борис Львович собрал крохотную нашу команду в каютке-лаборатории и, пока дядя Саша возился с дизелем, заговорщицки известил, что наш рейс в навигации последний, по возвращении в порт дядю Сашу списывают на берег на пенсию и он сам об этом предупрежден, а потому нервничает. «Простим старику расшалившиеся нервы», – попросил Борис Львович проникновенным голосом.

После этого разговора со старшиной стали обращаться как с больным, что злило его еще больше.

Сегодня наша последняя ночь в море. Снимем сети, аспирант обработает результаты, что-то там поковыряет в селедке, подсчитает чешую, запишет в

мятый, заляпанный журнал колонки цифр, и ту-ту! Обедать, скорее всего, будем дома.

– Ты что такой веселый с утра? – мрачно встретил меня на палубе дядя Саша, будто бы пропустив между ушей мое приветствие. – Что, как молодой конь, дом почуял? Побыстрее в город норовишь, в суетню эту бесовскую?

Я молчу, догадываюсь, что старик задирается, душу хочет на мне отвести, коли я ему первым на глаза попался. Но он тяжело вздыхает и продолжает уже без ехидства другим, горьким голосом:

– А не торопись, голубь, не спеши. В море оно, конечно, и сыровато бывает, зато думается просторно. Обо всем сразу думается в этакой-то благодати Божьей. А думать надо, ох, как надо, это знаешь...

Дядя Саша неожиданно замолкает. Невольно приглядываюсь сбоку – уж не хватил ли он с утра пораньше что-нибудь из заначки? Что это его на философию потянуло?

Но ничего такого не выдавало костистое, изрезанное морщинами лицо немолодого помора. Мне показалось только, будто глаза его жалобно смотрели сквозь туман, и от этого стало неловко, словно я подсмотрел что-то лишнее, вовсе не предназначенное для чужого взгляда.

С дядей Сашей мы знакомы давно. По газетной надобности не раз и не два наезжал я в его бригаду, выспрашивал «про жизнь» и писал репортажи, а потому знавал в разных ипостасях – и удачливым рыбаком, и выпивохой не последним, и что гуляка-бабник он был по молодости – рассказывали мне надежные люди. Но только вот жалким стариком – такого я представить себе не мог.

Секунду-другую сохранялась на лице старшины это непривычное для меня стариковское выражение беспомощности. Потом оно неуволимо переменялось, будто тень промелькнула, подобралось, глаза озорно сузились. Совсем другим, привычным, с язвинкой, голосом дядя Саша спросил:

– А скажи-ко, мореход, в какую сторону нам с тобой к дому попадать надлежит?

Я осмотрелся вокруг. Слегка покачивался на ленивой волне наш маленький бот. Ключья тумана летели, не сворачивая, сквозь мачту и сквозь нас. Я поискал на горизонте огоньки и ткнул в них пальцем: вот он, наш славный портовый город!

– Ай, молодец! Ай, мореход! – наигранно порадовался старшина. – Ровно правишь! Только мы с тобой прямо на остров Тумище прикатим, прямо на камешки, а никак не в порт приписки Беломорск. Эко ты отмочил!

Дядя Саша раскатисто смеется и долго кашляет, утирая широкой ручищей выступившие слезы. Утренняя засада на простаков удалась с блеском.

– Обожди, дядя Саша, – пытаюсь остановить его веселье, – там огней, как на новогодней ёлке. А какие на Тумище огни? Откуда там огни, ты чего?

– Так это же суда стоят на внешнем рейде, садовая голова, как мы теперь стоим! Вишь, туман, в губе с вечера сгромоздило, ни канал, ни порт не принимают, вот и стоят на якорях горемычные, ждут погоды. А город – вот он! – старшина развернул меня за плечо на девяносто градусов к югу.

Но мне ничего не было видно, кроме тусклой, темно-свинцовой воды в редких просветах стелющегося тумана. Мне очень было интересно, каким образом старшина угадал верное направление, но спрашивать я не стал, побоявшись снова попасться впросак.

Между тем кораблик наш оживает, команда выбирается из салона на свет Божий, кряхтит, тянет натошак по первой сигарете. Борис Львович с гидрологом деловито выуживают из трюма большой полиэтиленовый мешок под рыбу, отвязывают лодку-поездничок. Потом, уже из-под борта, кричат нам наверх, чтобы подали и второй мешок, мол, мало ли чего, на всякий случай. Дядя Саша громко плюет за борт:

– Тю-ю, ты в душу! То-то сейчас им навалит...

Он колет дрова для маленькой камбузной печурки, сильно, с оттяжкой хрюкает топором, и поленья летят в открытый трюм, за борт, в разные стороны.

И снова долго ждем лодку с похожки сетей. Стоят в салоне на разостланных газетах открытые банки с консервами, лежат куски разодранной руками магазинной рыбы, уже три раза подогревали чайник... Рыбаков наших все нет и нет. Кто-то предложил было запустить дизель и продвинуться немного вперед, но старшина так рявкнул, что вопрос был немедленно снят.

– Небось, подгробут сами, – мрачно резюмировал дядя Саша. – Не बारे.

Наконец у борта гулко тукнуло и заплескалось. С воды на палубу бросили кусок веревки, подали спутанные сети. Около двух десятков жалких наважек да несколько селедочек-недомерков понуро висели в ячеях. На уху это никак не тянуло, даже на городскую.

– Ну и что теперь жене скажешь, Львович? – ехидничает дядя Саша. – Спросит, поди: в море ходил, так ушонки привез ли? Что говорить будешь? Не поверит тебе, что рыбалил, скажет, этот старый пень дядя Саша к девкам возил в Сумпосад. Кха-кха-кха...

– В науке отрицательный результат подчас важнее положительного, – сообщил невозмутимый аспирант, пытаясь негнушиться пальцами расстег-

нуть оранжевую куртку. – Только вам это, конечно, неизвестно. Положительный результат расслабляет, а отрицательный заставляет исследователя искать, думать.

– Расслабляет – это когда есть нечего, – равнодушно парировал дядя Саша. – Подите-ка поковыряйте консервы в банке, укрепитесь, исследователи хреновы.

Сам он установил на корме перекладину, бросил на неё сети, в считанные минуты выковырнул из них наважек и сельдей и ловко пробежал, перебирая капроновый шнур верхнюю и расправляя сетное полотно.

Меня всегда это поражало в поморских стариках. Ну, кажется, руки-крюки, негнущиеся пальцы с задубевшей кожей. А возьмет в руки сеть-паутинку и летает по ней малой пташкой – ни зацепи тебе, ни лишнего движения. Такую школу обращения со снастями проходят с раннего детства.

Туман на море рассеялся под утренним свежим ветерком. Стало видно, как суда на внешнем рейде гасят топовые огни и поднимают якоря, чтобы идти в канал. И вот уже первый в очереди двинулся к приемному бую и занял судовой ход.

Очень далеко на ровной, как стол, болотистой низменности материкового берега поднимался мой город. Белели в тусклых лучах осеннего солнца дома, отчетливо – черное на голубом – вырисовывались порталные краны рыбного и лесного порта, вышка ретранслятора.

Занимался новый день. И вспомнилось, вернулось лёгкое утреннее настроение. И радостное ожидание затеплилось в глубине души, будто что-то новое, какая-то совсем другая жизнь ждала на берегу. И так властно потянуло на материк, так сильно защемило сердце, что захотелось прыгнуть за борт и махнуть саженками от этих надоевших разговоров, подначек и занудства.

Я не сразу почувствовал, как кто-то легонько взял меня за локоть. Это был дядя Саша.

– Чего задумался, мореход? Домой душа просит? Понимаю, сам такой был. Не спеши. Хочешь со

мной в Кималища сходить? Пока они тут будут чешую у селедок считать... Мне туда надо очень. Погребешь немного, поможешь старику?

Под косыми неодобрительными взглядами научного руководителя мы отвязали лодку и поплыли тихонько на недалёкий остров, покрытый рядом невысоких корявых сосен.

Всякий, кто уходит из Сорокской губы на север или, наоборот, идет с севера, из Кеми, Кандалакши либо, скажем, с Терского берега, никак не минет Кималищ. В бурные осенние погоды восточные ветра бьют здесь так, что страшно смотреть.

Кималища закрывают с моря маленькие скалистые выступы-островки Парусницы. В лихие дни вода вокруг них аж кипит белыми бурунами и пеной. Тут уж забирай, капитан, мористее, поближе к Жужумуям, а то не миновать беды!

В старину, выходя на промысел или по торговым делам, сорокские поморы говорили: «Ну вот, Кималища прошли, теперь в море...» Возвращаясь домой, повторяли: «Ну вот, Кималища прошли, теперь дома. Слава тебе, Господи!»

Ближний из Кималищ, некрупный и совершенно безлесый островок, к которому дядя Саша выправил нашу лодку, уже обнажило отливом, и к самому берегу подойти не удалось. Мы бросили лодку на отмели и долго брели по мелкой воде, распугивая камбалёшек-пяточков и обходя стороной черные осклизлые камни.

Старик вёл меня вокруг острова. Округлая сплошная скала плавно опускалась к урезу воды и уходила еще глубже, в плотный золотистый песок, наверное, на многие, многие метры. Я почему-то представил себе вдруг ситуацию страшную и то, как в шторм трудно было бы выбраться на этот остров замерзшему, полуоглушенному человеку. Да если бы он и выбрался, сумел ухватиться за тот, едва видимый крошечный выступ с нашлепкой из зелено-коричневого мха, новая волна набросилась бы сзади, схватила за плечи, смяла, отшвырнула назад в море. И тогда уже точно – конец...

Но мы обогнули островок с севера, и я увидел, что в одном месте скала расколота. Метрах в пяти от воды зияла трещина в половину человеческого роста. Дядя Саша уверенно вел меня к расщелине. Мы поднялись, постояли немного у равного края и прыгнули вниз. Пахло прелыми листьями, гниющими водорослями и йодом. От настывших, приготовившихся к зиме скал тянуло пронизывающим холодом.

Два небольших камня лежали на дне расщелины. Мы с дядей Сашей присели и стали смотреть на море, на чаек, бродивших по мелким лужам, что всегда остаются в полосе отлива.

День уже установился, и был он тихим и покойным, какие редко выпадают о такую пору в моём краю. Хорошо мне было и непонятно, зачем привез меня сюда старшина, что он здесь потерял и зачем стремился?

– Да, хорошее ты место себе выбрал, Вася, – тихо сказал вдруг дядя Саша. – И тут ты молодец оказался...

Меня звали вовсе не так, и никого, кроме нас двоих, на острове не было. Что за странности? Дядя Саша продолжал смотреть в море и разговаривать сам с собой. Уголки глаз у него набухли и покраснели, разом огрузило и постарело лицо. Казалось, он весь ушел в себя и сейчас существует где-то там, в неведомом для иных пространстве.

– Ну, а мне-то, брат, по-людски умереть не дадут, затыкают, заколют в больнице, словно последнего борова...

Старик горько помолчал, а потом тряхнул головой, словно отгоняя видения. Он достал из внутреннего кармана длинную плоскую фляжку светлого металла с охотником на боковине, отвинтил пробку и принялся.

– Он! А то старуха наладилась подменять: спиртяшку сольёт, а мне – воды. Вредно, говорит, в твоём возрасте. Бабье дурное!

Мы выпили по одной пробочке, съели по раздавленной мятой ириске. И только я изговорился было спросить про неведомого мне Васю, как старик заговорил сам.

– Вот в этом самом месте, где ты сейчас сидишь, нашел я в октябре одна тысяча пятьдесят второго года друга моего закадычного Василия. Пять дней искал, все острова облазил, голос сорвал, ножную болезнь получил, потому как не менял одежды и не переобувался все дни. Только на шестые сутки таким вот утром нашел в этой ухоронке замерзшего и неживого. Скажу тебе, паря: не он, так многие годы не жил бы я уже на белом свете...

Дядя Саша опустил лицо на руки, плечи его задрали. Несколько минут он плакал, не вытирая

глаз, да и нечем ему было вытереть: в одной руке фляжка, в другой пробка-стаканчик, а поставить их здесь некуда. Справился с собой, мазнул по глазам рукавом где-то возле самого локтя – сколько дотянулся.

– А давай-ко, мореход, еще по одной, за Васю, за молодость? Ты вот молодой, а я скажу, что и мы молодыми бывали, и погуливали, и пошаливали с дружкой моим!

Он налил пробочку, спирт покрыл резьбу до самой верхней ниточки, вытянул руку и медленно вылил у моих ног.

– На-ко, Вася, попробуй моего. Лет пять уж не бывал, не потчевал, прости. Теперь и вовсе, наверно... Пенсия... Телевизер...

Мы выпили еще по одной. В груди полыхнуло пламенем, жаром обдало лицо и шею. Огненный шар протёк сверху и медленно опустился в ноги.

– Не знаю, может, кто и говорил ли тебе про меня, но родился и сызмальства жил я в Нюхче. Там мы с Васей и молодость провели...

Дядя Саша снова замолчал. Он крутил в пальцах пробку-стаканчик, разглядывал сосредоточенно, будто только увидел, но не наполнил, а медленно наворачнул на горловину фляжки.

– В те поры были мы ребята веселые, в возраст стали входить, а на дворе коллективизация. Только присмотрели по невесте, срок подошел, и в армию нас наладили. Вася повыше меня был, покостистее, поосанистей. Бывало, выйдем с мужиками на губу мережи проверять и в наледь попадём. Вода по верх льда парит, кое-где трещины, под ногами льдины ходят, будто живые. Кони у нас на что привычные, и то пугаются, ушами прядут. Василий лошадь за узду возьмёт, встанет, и как скала: полушубок нараспашку, шапка на макушке, рукавиц сроду не надевал – не стронешь. Так его в погранвойска отправили. А мне, смешно сказать, в полку связи хлеборезку поручили, мол, деревенский, а деревенские с хлебами умеют ладить.

Вернулись. Васю, как младшего командира, сразу бригадиром на промысел, а меня снова в обоз: говорят, принимай пекарню! Пекарня у нас в селе была, а пекарь незадолго угорел в бане и его Бог прибрал.

Я в крик: «Какая пекарня? Я сроду хлебов не пёк! Вы что, издеваетесь?» А в сельсовете: «Так ты же хлеборезом служил, тебе сподручно будет!» Не убедил. Приехали из района, стали страшать, и стал я пекарней заведовать.

Была у нас в селе одна сволота гундосая. Сам маленький, слабогрудый, ножки кривенькие и слабые, серый какой-то. Но вони от него на всю округу. Жаловаться любил, письма сочинять. Никто с ним

дружбу не водил, а он страшно нам завидовал. Большой был мастак на пакости разные. Бывало, подпоит ребят, надует им глупостей в уши, натравит на нас, а сам из-за забора смотрит, как мы с Васей отбиваемся.

Прознали мы про его подлости, так бить-то страшно, думаешь, ну как сдохнет, тюрьмы не миновать. Так, сунешь когда мордой в грязь да носком поддашь слегка, чтоб не переломился.

Но потом оказалось, что зря мы на него внимания не обращали. План у него был жизнь нам сломать.

Однажды подкараулил меня, когда я уж очень пьяный из гостей попадал. Подхватил в темнотах, довел до крыльца моей пекарни да и пустил «петуха». Разом хотел отделаться: сам, мол, пекарню поджег, сам сгорел, и концы в воду...

А я не сгорел, почувствовал пламя, успел в огорды отползти. Ну, тут разговор со мной был короткий. Гундосый ведь первый в контору прибежал, где эти, из района которые, с утра заседали, и в главные свидетели записался: всё, мол, видел и всё подтверждаю... Мне даже переодеться не дали.

Увезли недалеко, в Энгозеро, это на одной ветке, перед Кандалакшей. Но не успел в лагере освоиться среди стриженных, как война. Меня в штрафбат: «ни шагу назад... вина перед родиной... смыть кровью!» и всё такое прочее. И многие горести я там увидел, дорогой ты мой мореход, что редкий человек видел! Такие эти горести, что и вспоминать тошно...

Отлив уходил всё дальше, и полоса суши возле острова становилась все шире и шире. Вслед за водой уходили от нас и чайки. Они разбредались по лужам, то разом кидались в одно место, громко кричали и дрались.

Наша лодка легла на борт. Я прикинул, и получалось, что сидеть нам на острове долго. Пока еще придёт свежая приливная вода и нам удастся поставить лодку на ровный киль.

Дядя Саша снова отвинтил пробку, помедлил секунду, приходя в себя от тягостных воспоминаний, и налил спирту до самого краешка. Руки у него не тряслись, как прежде, и спирт больше не капал на грубые, в задубевших трещинах пальцы. Он медленно выпил, наполнил пробку снова и протянул мне, но я не принял. Дядя Саша понимающе кивнул головой и аккуратно вылил спирт в себя. Мы снова развернули по ириске, закусили, и я стал ждать продолжения рассказа.

– Видишь скалы? – спросил меня старшина и флажкой показал на прибрежный монолит. И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– На Западной Лице, бывает, цельный день идешь, и всё такие скалы. Однажды подняли нас

под утро и повели. Приходим, а на таких вот скалах наши ребята лежат, много... И ни кровинки вокруг, ни стреляной гильзы, ни снарядной воронки. Что такое? Почему? Оказывается, выгнали ребят в поле в гимнастёрочках да шинельках, а ночью мороз страшный. Рады бы костром согреться, так ни деревца, ни ветки вокруг... Я потом долго спать не мог. И за всю войну несколько раз бывало. Иной раз так припрёт, думаешь, взять винтовку за ствол да шлёпнуть себя посреди груди, чтоб не мучаться... А нет, ничего, перетерпел, Бог от большого увечья отвел и живёхоньким к самой Победе доставил. За что Он так ко мне милостив, грешнику великому, уж и не знаю.

В село вернулся в сорок пятом. Всё честь по чести: фронтовик, ранения, награды кой-какие. Вася тоже гоголем ходит, медалями позвякивает. Он еще более заматерел, в крыльцах пораздался, щеки огнём горят, хоть прикуривай, а глаз стальной – не стой на дороге, поберегись! Снова бригадирит на промысле мой Вася, друг дорогой!

А со мной выходит форменная незадача. Поворот мне из родного села оформляет этот говнюк гундосый. Он на войну, конечно, не попал по слабости здоровья, а здесь пригодился. Вначале пристроился как писарчук, а теперь секретарит в сельсовете, речи говорит, складные такие. «Нам, говорит, не нужны в передовом колхозе лица с уголовной биографией. Мы не можем рассчитывать, что они будут надежными помощниками на нашем светлом пути в коммунизм, коли сами являются порождением тёмного буржуазного прошлого».

А по селу уж и слухи про меня пущены, мол, неизвестно-де, с кем я воевал, а сварганить орден с медалями мне, такому пропащему уголовнику, и вообще раз плюнуть... Подался я в райцентр, где к тому времени Гослов организовали, стал рыбачить. А Вася мой в Нюхче кипит: «Сдохну, Сашок, а тварину эту на белый свет выведу и тебя перед людьми отмою!»

Оказывается, знал Вася, как этого добиться. Мужики стали подозревать, что гундосый по чужим мережам лазит. Своими заниматься – хлопоты одни, да и не умел он никогда, а чужие – вот они: бери и пользуйся.

И однажды Вася с бригадой заловил гундосого на своих мережах, разок продёрнул и сразу вызнал всё, и про оговор, и про остальное. Мужики о том услышали, вся бригада...

– Как это «продёрнул»? – перебил я дядю Сашу. – Что это значит?

– Ты никогда не слышал, как наши деды наказывали воров, что по чужим мережам лазят? – удивился старшина. – Захватят на месте, море кру-

гом – не убежишь и не отопрёшься, да и кричать бесполезно: никто не услышит. Тогда очистят иордан, распешают пошире концевой кол, что на куту, подвяжут голубка веревкой под мышками и протянут подо льдом по всей длине от иордана до кута. Это метров десяток с небольшим будет. Ну, и поговорят, конечно, по-людски, по-хозяйски, усовестят.

– Ну, а человек-то как? Разве же это возможно? Зима, вода ледяная, вдруг сердце у него слабое?

– Ах, какой сердешный! Здоровьем озаботился! – огрызнулся дядя Саша. – Слушаешь иной раз радио и диву даешься, какие все стали сердечные! У них тянут напропалую, всю страну разворовали и посмеиваются, а общественность волнуется, как бы вору на суде не обидели, учли заслуги и пенсионерку-мать. Тьфу! В деревне, бывало, мужик годами деньги собирал, чтобы мережку-то фильдекосовую выправить, тряся над ней, чтобы самого кормила да сыну передать. А тут негодяй заведётся, станет у него ночами рыбку подчищать, а иной раз поспешит, чтоб люди не увидели, да ножом полоснёт... Что тут делать? На кого жаловаться, что голодом семью оставил?

– И что дальше бывает? – снова поторопил я дядю Сашу.

– Дальше – просто. Я говорил, продёрнут паскуду подо льдом и, если мало покажется, обратным ходом еще раз. Если не отвечает правду, грозит или ругается, могут на серёдке остановить, подождать немного, чтобы, значит, охолонул, задумался. Ну, а потом вытянут, отвязут, и беги в деревню, торопись, а то замерзнешь.

– А он прибежит, нажалуется, свидетелей целая бригада, и вот вам тюрьма...

– Не бывало на веку, чтобы такие-то жаловались. Да и кто поверит? Мы ж его на воровстве взяли, а самого не били, не увечили, а только поучили. А свидетелей такому делу не бывает, окромя Бога. С Богом мы всегда договоримся, он за вору у нас никогда не стоял.

Старшина замолчал. Лицо его посветлело и даже вроде бы повеселело немного. Из расщелины мы видели, что вода уже поворотила на прилив, волны слегка забродили, засеребрились в солнечном свете дня. Снова повеяло ушедшим летом, и только запах прели да студёные ожоги камня от нечаянного прикосновения возвращали в реальность позднего сентября. Старик потряс возле уха фляжкой, спросил:

– Не будешь?

Я отрицательно помотал головой.

– Ну, и молодец, – прокомментировал он. – Оставлю старухе ноги растирать.

Дядя Саша подумал о чём-то веселом, улыбнулся и рассказал:

– Толкую ей недавно: а чего это твои ноги всё спирт просят, водку или на худой конец тройной одеколон? Чего им чай с кефиром не пондраву? Она мне:

– Дурак старый! Да чем же кожу-ту пронять, как не крепостью этой. Рази же кефиром проймёшь, бес-толочы!

– Ага, говорю, а чем же мне мою кожу пронять, коли она на морях продублена да ветрами заветрена и теперь стала будто барабанная? А ты всё «не пей» да «не пей»! Ха-ха-ха!

Дядя Саша спрятал фляжку во внутренний карман и ровным голосом продолжил рассказ. Прежней веселости в нём как не бывало.

– В село больше не вернулся, хотя звали, сельсовет ходатайства писал и всё такое. Скажу честно – обиделся я. Какому-то говнюку поверили, а мне нет. И дружок мой скоро ко мне в райцентр приехал, соседнюю бригаду принял. Ну и давали мы с ним планы по рыбодобыче! И всё весело, легко: сегодня он впереди, ему переходящие знамена и выпела везут, завтра я с ребятами. В Петрозаводск и Москву на стахановские ударные слёты по одному не звали, только вместе. И однажды всё у нас кончилось...

Идем как-то домой с севера, только Парусницы обошли и с Кималищами поравнялись, как даст восток – не приведи Господи! Всё вокруг закипело! А уже поздно, темнеет быстро. Вася с ребятами голоменее шли, мористее, а я по-над берегом. Ну, меня разом на мели-ти и высвистнуло. Глазом моргнуть не успел.

Васе-то не видно было, что с нами содеялось. Он ходом домой и попёр. Пришел к причалу, а нас нету! Он бригаду высадил, с палубы лишнее поскидал, а сам назад – нас искать. Это он в горячке, надо сказать, не подумавши. В такую-ту погоду и один! И сам пропал...

Ох, и плакал я тогда, убивался, когда нашел Васю, почти замытого волнами в песок. Когда меня самого тут нашли, сказывали, насилу с острова сняли: с ножом кидался, никого к Василию не подпускал. А силы уже не те, ведь не спал и не ел... Связали, как барана, да в баню на полук, бабки неделю топили, выхидили...

Дядя Саша помолчал немного, но потом быстро встал и махнул рукой: выходим!

– Вода заприбыла, мореход, пора нам собираться. Наука, поди, с ума сошла с перепугу. Думает, пропали мы, а ей за нас отвечай, за несмышленных.

Мы выбрались из расщелины и побрели по мелководью к лодке. Метров через сто стал виден и наш кораблик. На палубе стоял Борис Львович и це-

лил в нас биноклем. Видно, в окулярах мы возникли неожиданно, аспирант восторженно, забежал по палубе, замахал руками.

– Экое беспокойное хозяйство, – заворчал старшина, широко загребая ногами воду. – Ишь, как волнуется. Думал, небось, пропали. Мы тебе пропадём, дождёшься!

И вдруг сиплым басом заорал:

*Нас и хают, и ругают, а мы хаяны живём,
А мы хаяны отчаянны, нигде не пропадём!*

Чайки сорвались с отдели, загомонили резкими голосами и стали ходить круг за кругом, забирая всё выше и выше в беспредельную глубину выцветшего сентябрьского неба.

ТАРЕЛКА ЖАРеной КОРЮШКИ (деревня Юково)

Взгляните на карту Карелии. Видите, на самом верху, на северо-востоке, заканчивается материк и начинается Белое море? Отыщите место, где оконечность суши, словно кривым оленьим рогом, нависает над мелководной Сумской губой. Если пристальнее взгляните, обнаружите небольшой остров Юков, а на побережье мелким-мелким шрифтом обозначен населенный пункт с таким же названием. Это поморская деревня Юково, передний край республики, ее форпост.

Полтора века назад проплывший мимо на карбасе С. В. Максимов Юково не заметил. Винить его не за что: деревеньки тогда просто не было.

«Морем, суженым множеством луд, между которыми самые большие и метко названные – Медвежьи Головы, плыли мы от Сумы по направлению к следующему поморскому селению Колежме, – писал Максимов. – Виделись нам на протяжении пути этого на берегу и наволоках две избы, на трехвёрстом расстоянии одна от другой, – соляные варницы; мучительно долго и с крайней опасностью перетаскивали мы свой карбас

между грудями огромных камней, словно нарочно наваленных поперёк сплутного морского залива. Место это, прозванное железными воротами, ежеминутно грозило опасностью...»

В Лоции Белого моря, изданной в 1913 году, есть подробные описания острова Юкова и небольшой гавани при нём. Однако текст снабжен пометкой: «Жилья здесь в настоящее время нет».

В 1969 году известные исследователи Русского Севера писатель В. Пулькин с супругой Н. Кричиной записали от Ф. М. Дементьевой в Вирме историю основания деревеньки Юково:

«Там, где Юково, одна щелья была (щелья – скала, каменный кряж). Один старичок поселился туда, приехал из Корелы и жил там со старушкой.

Спустил мережку – навага попалась. Спустил вторую – опять попалась. Приехал за хлебом в Сумпосад да в Сорочу, рыбу продает. Спрашивают:

– Откуда?

Дед и рассказал.

Так и стали туда приезжать, а там и переселились туда. Юково у самого моря Белого, двадцать пять километров от тракта. Карел этот – сильный, крепкий был старик. Теперь там и зверя бьют, тюленей бьют, белуху ловят...»

Наверное, Ф.М. Дементьева права, именно так, вероятно, основывались все деревни и села, и не только в Поморье. Но ни дат, ни имён она не назвала.

По пути в Колежму, откуда летом проще всего попадать в Юково, остановился в Сумском Посаде, у маленького домика Павла Ивановича Андропова. Он фронтник, в прошлом рыбацкий бригадир, заслуженный работник рыбной отрасли. Спросил, не слышал ли он случайно, кто и когда основал Юково?

– Что мне слушать, если я точно знаю, – ответил он сразу. – Мой отец основал, Андронов Иван Дмитриевич, с друзьями Степаном Максимовым и неким Семеновым, не помню, как звали. Правда, они хотели строиться по берегу севернее, между Двинской и матёрой, но потом передумали и поставили дома вдоль самого ручья. Видел, какая там вода?

Редкая удача! Выходит, деревня Юково – ровесница XX века? Забегая вперед, скажу, что догадка подтвердилась. Двинская – это остров такой, Двинская луда, а «матёра» – материковый берег. Место там для житья отличное: от северных ветров закрывают острова, с «горы», то есть всё с того же материка, громадным щитом стоят горы Медвежьи головы, о которых упоминал С.В.Максимов.

Хорошее место, мне доводилось там бывать прежде. Только вот пресная вода далековато. А здесь, где нынче стоит Юково, был великолепный ручей. Вода в нём родниковая, чрезвычайно светлая. Бывало, стоишь на мосту и видишь, как тугие струи студеной и вкусной воды выбиваются на соленую поверхность моря...

Но удивительное дело: умерла деревня, и почему-то сразу... умер ручей. Никто не знает почему. И я немножко радуюсь, что уже завтра увижу заросшие травой берега и застоявшуюся болотную воду под провалившимся мостом. Ручей и определил, где быть будущей деревне.

Спрашиваю Павла Ивановича, чего не жилось его отцу в знаменитом и в то время богатом Сумском Посаде?

– Кто теперь знает, – говорит старый рыбак. – Отец ведь не поморских корней, из карел деревни Ноттоваракка, что неподалеку от большого села Лехта. Теперь этой деревни нет. Иван Дмитриевич был мужиком крепким, 21 год прослужил в царском парусном флоте. Когда он с товарищами вернулся с флота, жить захотел отдельно. Стал искать место и выбрал его на том берегу...

Пока Павел Иванович гремит чайником на своей крохотной и тесной кухоньке, пытаюсь определить примерную дату рождения деревни. Подсчет у меня такой. Основатель Юкова Иван Дмитриевич Андронов прожил 85 лет и умер в 1935 году. Сыну Павлу исполнилось в то время 13 лет. Значит, родился Иван Дмитриевич примерно в 1850 году. Парней на службу в те времена брали в 25 лет, да прослужил он на парусниках, как мы знаем, 21 год. Выходит, вернулся Андронов домой в 1896 году, в возрасте 46 лет. Пока пожил, поработал, пока созрело в нем желание уехать из шумного купеческого торгового Сумского Посада куда-нибудь подальше, пока искал подходящее место... Как ни крути, а появление новой деревни никак не могло состояться раньше начала XX века.

Пока кипит чайник, расскажу об Андронове.

14 марта 2002 года ему, кавалеру ордена Отечественной войны первой степени и многих медалей, исполнилось 80 лет. Он считает, что жизнь сложилась нормально, ничем не лучше и не хуже, чем у со-

тен его сверстников – поморских мальчишек, которым посчастливилось пережить войну.

Семи лет от роду потерял маму, на тринадцатом году – отца, и остался жить со старшей сестрой Женей. И теперь, как ни бьюсь, не могу настроить его на воспоминания о счастливом босоном деревенском детстве, о котором любят писать в книжках. Не помнит он теперь, были ли ночные походы в лес и на рыбалку, с костром и ухой? Были ли уличные игры и купания в реке? Говорит, наверное, все-таки были.

Сразу после смерти отца он впервые зуйком ушел с бригадой на парусной лодке «ёле» на Мурманские рыбные промыслы. Промышляли ярусами треску и зубатку в прибрежной зоне, жили в тесных и дымных рыбных станах в Териберке. С 1935 года до самой войны Павел Иванович рыбачил на Мурмане, став к началу 40-х мотористом на лихтере. А с началом второго месяца войны, второго августа 1941 года, его призвали в действующую армию и направили в учебный запасной артиллерийский противотанковый полк под Ленинград, в Дибуну.

Что пришлось пережить на фронте – отдельная тема, и рассказывает об этом Андронов неохотно. Не спеша пьем чай, обсуждаем погоду и виды на предстоящую заготовку водорослей («штормов-то еще не было, и фукуса на берегу нет...»), а я помаленьку возвращаю собеседника к воспоминаниям о войне.

Павел Иванович помнит имена всех, с кем воевал, кого наспех хоронил по ночам, когда вражеским снайперам в темноте прицельную стрельбу вести трудно. И как его самого, тяжело раненного, пролежавшего на поле боя трое суток, случайно нашли санитары из похоронной команды. Он отчетливо помнит их тогдашнее удивление.

– Да у него кровь течет... Ты смотри – живой! – сказал один. Второй шагнул поближе и перевернул Андронova лицом к небу.

– Да у него глаза открыты!

Четыре литра крови влили старшине, командиру 76-мм противотанкового орудия в Ленинграде, в Институте нейрохирургии, что на улице Пестеля, 23, куда доставили прямо с поля боя. Везти было недалеко: бои шли в городской черте.

А после войны дома Павел Иванович вернулся к тому, с чего начал и что знал лучше других, – к рыбному промыслу. 19 лет возглавлял одну из лучших бригад прибрежного лова Беломорской базы Гослова. Рыбачил в реке Суме, в Сумской губе и возле «отцовской» деревни Юково. Он и теперь вспоминает её с теплотой:

– Самая лучшая навага – там, особенно у Коровьих островов и возле Юково. У неё даже вид другой.

А вокруг деревни и ягоды, и грибы, и рыба... Почему её забросили, до сих пор понять не могу...

Прямо на кухонном столе старого рыбака, на листочке блокнота сделал я нехитрый подсчёт. Каждый рыбак бригады П. И. Андропова добывал примерно до шести тонн рыбы в год. Умножим на 19 лет бригадирства. 114 тонн! Вот сколько рыбы добыл Павел Иванович для земляков!

Дороги в деревню Юково никогда не было. Нет её и теперь. С трех сторон простирается студеное Белое море, а с четвертой, южной, стороны пролегли 12 километров непроходимого болота. (Внимательный читатель может указать мне на ошибку. Мол, Ф. М. Дементьева говорила, что от Юково до тракта 25 км. Верно. Только под трактом она имела в виду старую почтовую дорогу с Колы на город Онегу. Я же говорю про новую, направлением Беломорск – Колежма.)

Попасть в Юково можно либо на моторке, либо пешком из Колежмы берегом моря. Ходу примерно 15 километров. Признаться, я не сразу решился, побаивался больших заливных пожен, заросших жесткой морской травой-трестой. Такие низкие пожни, скажем, в устье реки Нюхчи (местечко Тухкала) тянутся километрами и сводят нечаянного путешественника с ума. Бредёшь почти наугад в протухшей чёрной воде по пояс, часами продираешься сквозь заросли и одного только Бога молишь, чтобы быстрее выйти к сухому месту и дальше уж двигаться прибрежной лесной полосой. Лесом также не сахар, – жгут оводы, хлещут по лицу ветки, а низкие кривые деревца вовсе не спасают от солнечного жара... Но всё-таки лучше, чем по тресте.

Знакомые, между тем, рассказывали, что стареют юковские обитатели, по немощи бросают обжитые дома и уезжают к детям на большую землю. Пустеет, мол, деревня. И вот однажды позвонили: можешь-де опоздать! Оказывается, съехали Анатолий и Нэлли Агеевы и осталась в деревне только одна семья: Иван Илларионович Аникиев и Лидия Николаевна Носкова. Плюс кошка да собака. И понял я, что ждать больше нечего. Собрал рюкзак и жарким летним утром вышел из Колежмы направлением на север.

В Поморье такой путь называют «в куйпогу по кечкаре», то есть во время отлива по обсыхающему дну. А там, где невозможно, топал по камням да по лесу. Но каким превосходным вышло это путешествие!

...Первое, что поражает жителя материка на морском берегу, особенно в отлив, – это запахи. Ах, какие непередаваемые запахи веют на всём протя-

жении пути! Остро пахнет твердый морской грунт с жидкой пленкой поверху – обсыхающее морское дно. Остро пахнут пучки фукусов, оставленные водой отлива... Камни, порывы ветра, жесткая морская трава – всё приносит невероятно резкий и острый запах, будто стараясь запечатлеться в памяти, мощно заявить о себе, остаться.

И на берегу на суше густые заросли прибрежного ивняка, маленькие росточком сосны, ослепительные поля белого «северного хлопка» – всё пахнет в середине лета так, что порой кружится голова!

Таков летний Север! Так долго растительность дремлет под холодными дождями, снегом и льдом, так долго ждет тепла, что раскачиваться некогда: нужно созреть, цвести, давать побеги, и всё это быстро, быстро, быстро... Пока не повернул студёный «всток», не нагнал с моря вязкого тумана и не наступила дремотная пора новых холодов.

В нескольких километрах от села, где зона береговой обсушки сходит на нет, а глубины позволяют швартоваться судам с небольшой осадкой, расположены склады местного рыболовецкого колхоза «Заря Севера». Это Красная Щелья, здесь склады, дом для рабочих, небольшой причал. Молодые сильные ребята принимают от заготовителей высушенную морскую траву, запрессовывают в тюки и убирают на хранение. Знакомимся: Сергей Шмелев и Андрей Кучин, оба из Колежмы, местные, дело знают с детства. Сергей успел походить на промысел в Баренцево море на колхозном СРТ, но сейчас оказался нужнее здесь. Рассказывает, что на Красной Щелье они не только работают, но и живут с понедельника до пятницы. На выходные сходят домой, помоются в бане, соберут продуктов на неделю и снова сюда. С каждой тонны запрессованных водорослей колхоз платит им 110 рублей. Немного, конечно, но другого работодателя не найти в округе и за 100 километров.

Андрею Кучину 22 года, он недавно из армии, служил в Калининграде – мощный красивый парень. Рассказывает, что хорошо тут, здорово, конечно, да и работа для него не обременительная («поработал – вспотел, нырнул в море – остыл...»). Но хочется учиться, специальность получить для колхоза более полезную – мастером по холодильным установкам хочет стать. Спрашиваю, кто им сдает водоросли?

– По берегу дальше встретите бригаду Валерия Постникова. Там за мысом как раз их участок, – говорят ребята, когда мы прощаемся. – Они у нас самые ближние.

Берег покрыт ярко-желтым ковром из морской травы-фукуса. Пучки подсыхающей водоросли ви-

сят лохматыми космами на камнях, стреляют под ногой громкими хлопками. На стебле фукуса много шариков-наростов. Они полые. Сожмёшь пальцами, и шарик неожиданно выстрелит в лицо солёной водой... Судя по выбросам, недавно в этих местах прошёл неслабый шторм. Хотя об этом лучше всего спросить у заготовителей. Для них шторм в такое время как подарок.

– Был, был недавно, – подтверждает Виктор Шапунов. – Этакий штормяга пал 9 мая, что причал на Красной Щелье пришлось восстанавливать – унесло в море...

Виктор бродит по мелководью, собирает вилами водоросли, а двое его товарищей по бригаде, Александр Сергеев и сам бригадир, берут водоросли поглубже. Приглашаю Александра поближе к берегу, чтобы сфотографироваться и поговорить. В разговоре выяснилось, что, оказывается, далеко не всякий шторм заготовителям на руку.

– Что нам толку с такого-то штормяги, – рассказывает Виктор. – Колхозу лишние затраты, да нам никакой радости: всю траву с грязью перемешало и в лес закинуло. Копаемся понемногу. Дома ведь в такое время сидеть не будешь.

Оказалось, что сборщики ждут другого шторма, теперь уже «правильного».

– Скоро Иван-день. Первая рыба в реку пойдёт, и, значит, шторм должен быть. К празднику всегда шторм бывает. Вот он и накидает нам хороших водорослей...

Этот выход у бригады Постникова в нынешнем заготовительном сезоне первый. Фукусы они собирают вилами прямо в лодку, заполняя её как можно более полно. Сырую водоросль («тура» – так называют её в здешнем обиходе) колхоз не принимает, только высушенную до определенного процента влажности. Сушат её на солнце сами сборщики, рассыпая слоями на прибрежных скалах. Одна полностью загруженная сырьём лодка-карбас даст 600-650 кг сухой водоросли. При этом обычного физического труда придётся затратить немало. Только выгрузка из лодки этой мокрой, тяжелой, скользкой массы, когда нет ни трапа, ни механизации, потребует большой силы и навыка.

Примерно через час пути справа показались небольшие острова. За ними большой остров Березовец, покрытый лесом. В глубине материка, по-над прибрежным лесом выросла округлая макушка сопки Сухой. В этом месте начинаются известные «Железные Ворота».

«Железные Ворота» – узкий, даже узенький пролив между береговой линией, промеж островами Березовец и Маникостров. Человеку, управляюще-

му карбасом или катером, нужно быть очень хорошим знатоком либо вовсе бесшабашным и везучим человеком, чтобы протиснуться узким каналом между камнями и мелями. Глубина здесь на судовом ходу с 3-4 метров резко поднимается до полуметра! Неосторожно двинул руль вправо или влево, чуть зевнул, и окажешься на мели!

Именно здесь полной мерой хлебнул горя наш знакомый столичный путешественник С. В. Максимов.

«Место это, прозванное железными воротами, ежеминутно грозило опасностью от каждого острия огромных камней, замечательно обточенных морским волнением, и нам, и нашему карбасу, который теперь оказался окончательно утлым, ненадежным, ничтожным суденком, – писал он в книге. – Кое-как, после многих криков, ругательств и почти нечеловеческих усилий, пробрались мы через узенький проход...»

Ну, что же... Сумские девки карбасок вели, чай не местные. Зато песен попели. А вот знакомый нам кинемеханик Иван Отавин много лет один «Железными Воротами» на моторке ходил, бывало, в такую непогоду, что куда там! Нужно было кино рыбакам да старушкам в Юково привезти, и возил. Да и то сказать – свой, местный, знает тут каждый камень.

Примерно с середины «Железных Ворот» путь по материковому берегу меняется в худшую сторону. Идти становится трудно. Пока не минуешь Маникостров, все заливы да заливычки, мысы и мысики – твои. И обходить плохо, земля тут болотистая, торфяная, ноги вязнут...

Так бредешь среди тучи комарья, обливаясь жарким потом и срезая углы, пока не выйдешь неожиданно на берег широкой губы, на простор, прямо к рыбацкой избушке с пленкой вместо оконных стекол. Обрадуешься: слава тебе, Господи! Наконец-то Куна-губа!

Куна-губа широка и мелководна. Свежий ветерок с моря дает временное освобождение от надоедливого насекомого «зверья», прогоняет комаров с открытого пространства в лесные заросли. На берегу свежо и дышится вольно. Здесь выстроены сразу две довольно просторные рыбацкие избы – одна на вольном берегу, открытым ветрам с востока, другая поглубже, в лесу. Временное промысловое жильё необходимо здесь потому, что губа довольно привлекательный район для рыбалки. Уже с лета и до глубокой осени на этих берегах постоянно кто-то бывает, не без успеха выставляя сети на сига и красную рыбу. Зимой колхозные бригады забираются в Куна-губу за навагой.

Начался прилив, и совсем мелкая губа, заполнен-

ная во всю свою полукилометровую ширь светлой и прогретой солнцем водой, на глазах стала наполняться. Широкая полоса свежей холодной воды подошла с моря, неукротимо и стремительно заполнила всё пространство и пошла всё выше и выше к самому Куна-ручью, обращая вспять его течение.

Спохватываюсь: нужно срочно переправляться на другой берег! Еще полчаса, и глубина в губе превысит метр, тогда мне придётся больше километра продирааться лесом, обходя губу по берегу.

Делать нечего. Скидываю одежду, завязываю в узел, поднимаю над головой и в таком виде бреду поперек приливного тока. Туча комаров, почуяв лёгкую добычу, столбом поднимается из ближних кустов. Дикие утки отплывают в сторону. Они недоуменно вертятся и крутят клювами: такого зверя еще не видели!

Дно Куна-губы, словно ухоженный зеленый газон, сплошь покрыто мягкой невысокой травкой. Травка стелется по течению прилива, ярко-зеленые стебельки колышутся в струях воды, щекочат ноги. Это зостера, беломорская водоросль, наделавшая много шума в учёном сообществе на рубеже 60-70-х годов прошлого века.

А произошло вот что. Летом 1960 года абсолютно неожиданно и необъяснимо зостера пропала! Она исчезла разом на всех берегах, на всём Белом море. Между тем эта травка была единственной водорослью-субстратом для беломорской сельди. Иначе говоря, именно на зостеру сельдь веками откладывала икру. Именно в её зарослях, как в «детском саду», в первые недели после выклева развивались мальки-сеголетки.

Нужно ли говорить, что сельдь Белого моря пережила настоящую экологическую катастрофу!

С тех пор много высказано научных соображений о массовой гибели этой морской водоросли, написано множество статей и проведено конференций. Однако точные причины не назвал пока никто. И стадо беломорской сельди с той поры, увы, не восстановилось в полной мере. Беломорка научилась, конечно, выметывать икру на другой субстрат, но

цепь природного взаимодействия, тонкий баланс, на котором вообще держится существование биологических видов, да и самого человека на планете, оказался нарушен. И то, что спустя полвека после той маленькой экологической катастрофы на Белом море происходит с сельдью, ни поморы, ни ученые не решатся назвать нормальным.

Виной ли тому каприз вот этой ласковой травки под моей ногой, военных моряков или еще кого-то, – не знаю и я. Но мне приятно видеть, что зостера повсеместно начинает возрождаться, а в Куна-губе уже появились обширные молодые заросли. Я непременно расскажу о них учёным, когда вернусь домой.

От Куна-губы до Юкова – рукой подать. Выхожу на берег губы Попова, срезав путь напрямую через глухие заросли прибрежного ивняка, обглоданного лосями. На другом берегу вижу верную приметку здешних мест – большие скалистые сопки.

С трёх сторон Юково окружают такие сопки-горы. В радиусе полутора километров их здесь насчитывается с десяток. У сопки-гор общее название – «Медвежьи Головы». Одна такая «голова» берет начало у самого уреза воды. На карте помечено: высота над уровнем моря 97,5 метра. Всего-то! Решаюсь подняться...

Минут пятнадцать заняло моё «восхождение». Сердце готово было выпрыгнуть из груди... Потом облился от пяток до макушки... Но вышел-таки на самую вершину, распрямился, присел на камень передохнуть и замер очарованный!

Век бы смотрел и не насмотрелся! Гигантское водное пространство моря в лёгкой солнечной ряби! Ближние и дальние острова, покрытые изумрудно-зелёной свежей зеленью! Ближние ущелья с небольшой губой и скромным рядком черных домов по берегам – Юково! И ни корабля, ни карбаса на горизонте! Земной рай, да и только!

Девять часов занял мой путь. И я очень доволен, что успел застать в Юково последних жителей, наговорился с ними и чаю выпил. Разве не стоит такое счастье девяти часов пути!

После купания в море (ох, и люто холодна беломорская вода в середине лета!) пошел погулять по двум юковским улицам и посмотреть на брошенные дома.

Признаться, глядеть на умирающую деревню такая надсада, что душа болит. И как же часто на них приходится глядеть в начале XXI века! Крепкие еще дома никому не нужны: здесь стену пилой выпилили, там кто-то пол уволок. Вхожу в один из бесхозных домов, брожу по замусоренным комнатам. Остатки кухонной утвари по углам, брошенные детские игрушки... Поднимаю из многолетней пыли какую-то книгу, стираю слой пыли с обложки: «Советское государство и право».

Тленом веет отовсюду. И нет ответа: почему? Кто может ответить, почему деревне Юково нужно умирать? Кому помешала эта маленькая труженица? Мне говорят: умерло великое государство СССР, а ты с какой-то деревней носишься... Высшая справедливость есть в том, что великие государства иногда делают великие ошибки и от того вольны умирать. А деревня – нет. Деревня никогда не ошибается. Она только живет и работает, работает и живет. И так должно быть вечно.

Мне кажется очевидной очень простая мысль: как семья представляет собой основу любого общества, так деревня – основа Российского государства. Она может называться центральной или фермерской усадьбой, поселком городского типа, модным в свое время «агрородком», иметь горячую воду, канализацию и 50 телевизионных программ спутникового телевидения. Ничего это не меняет. Гибель каждой деревни для меня означает только одно – государству подрезали еще одно сухожилие, и оно от этого стало слабей. Вот и всё.

Дом, в котором мы беседуем с Иваном Илларионовичем Аникиевым и Лидией Николаевной Осиповой, строил еще отец хозяина. Здесь последний житель Юкова Аникиев родился в 1933 году. Отца не помнит, а мама, Мария Тимофеевна, родом из недалекого села Вирма, прожила 96 лет и умерла в 1991 году.

Отец Аникиева Илларион Федорович – тунгудский карел, был по-мужицки силен и крут характером. Карельское село Тунгуда находится в южной части Беломорского района. Рассказывают, в свое время отсюда начинался и шёл по рекам и озерам водный путь в Финляндию. С Импералистической войны 1914 года Аникиев вернулся с Георгиевским крестом на груди, отлично работал, и семья не бедовала. В 1937 году добралась до деревни большевистская коллективизация. Однажды пришли к «Ларион Федоровичу», как

уважительно звали фронтовика в деревне, а у того на дворе два коня – старый, ученый, да молодой, совсем не объезженный. Говорят:

– Отдай коней по-хорошему в общее владение.

Аникиев знал, кто в колхозе станет на конях работать, в чьи неумелые и равнодушные руки они попадут. И был уверен, что коней испортят. В то же время понимал, что отказать не дадут. К тому времени новая власть набрала силу.

– Берите пока старого, – сказал сквозь зубы колхозным начальникам. – Воля ваша. Молодого я объезжу, а потом сам в колхоз приведу.

Характером был такой: раз сказал и на том встал намертво. Но ждать, пока объездит, активисты-большевики не стали, некогда им было ждать: забрали коней вместе с хозяином. И не воротился он больше к семье. Сгинул где-то в лагерях.

Однако могучий заряд энергии передал карел Илларион Федорович Аникиев своим потомкам. Вот только по-разному они им распорядились. Один внук ударился в учебу и работу. Окончил речное училище, авиационно-технологический институт. Показалось мало. Прошел аспирантуру и защитил диссертацию кандидата наук. Еще мало. Бросил инженерное дело и ушел в военную службу. И здесь преуспел так, что стал начальником Политуправления МВД СССР, первым заместителем министра внутренних дел РСФСР, в звании генерал-лейтенанта...

Генерал Анатолий Васильевич Аникиев был народным депутатом Верховного Совета РСФСР от Карелии в 1990–1993 годах. Да, да, именно того Верховного Совета, который был расстрелян в столице мирного государства, в центре Москвы, в «Белом доме» летом 1993 года, по приказу Ельцина. Мало кто знает, что А. В. Аникиев юковский. После войны будущий генерал жил здесь с матерью.

Второй внук и мой теперешний собеседник направил энергию в другую сторону. Справедливости ради, следует отметить, что и он много трудился в рыболовецком колхозе и в бригадах на промысле, был известен в округе неукротимым нравом не только в работе, но и на гулянке, коих любил чуть больше, чем требовалось. И несколько раз не по прямому назначению использовал привычный с малолетства основной рыбацкий инструмент пешню. В результате к 67-ми годам у него за спиной замаячили две «ходки в зону», исковеркавшие ему жизнь.

Но об этих годах мы с ним не говорим. Вижу, неприятно ему, не хочется вспоминать подневольную жизнь за проволокой в местах не столь отдаленных – в Надвоицах, Сегеже и Энгозере.

Нынешней супруге Аникиева, Лидии Николаевне Носовой, 64 года. 10 лет от роду мама привез-

ла её в Юково из архангельской приморской деревушки Лопшеньги.

Спрашиваю, далековато, мол, мама попадала, да с ребенком – аж через всё море. Какая нужда гнала? А дело, оказывается, в том, что до войны рыбаки с Летнего берега Белого моря (Архангельская область) вёснами приходили в Карельское Поморье добывать морского зверя и селедку. И однажды один из них, Николай Степанович, присмотрел юковскую девушку Федору Юдину. Присмотрел да недолго и думал – увез с собой. Поженились, родилась дочь, а тут Великая Отечественная война. С войны Николай Степанович не вернулся, за девять дней до Победы погиб в Польше.

Что оставалось делать Федоре с дочерью Лидой в Лопшеньге на чужом берегу? И вернулись они в свою родную деревню Юково. Четыре класса Лида отучилась в своей школе да еще один, пятый, прошла в Сумпосаде. На этом её образование завершилось. Стала работать в рыболовецком колхозе «Имени «Калевалы». До 18 лет была приставлена помогать на коровнике (8 дойных коров и 20 лошадей), а потом перешла в рыболовецкую бригаду. До самой пенсии зимой ловила рыбу, а летом собирала водоросли наравне с мужиками.

Теперь втроем мы подсчитали, что за 37 лет морской рыбалки Лидия Николаевна Носова лично добыла примерно 101000 килограммов рыбы, в основном наваги и селедки. Следует прибавить к тому обязательный летний сенокос, заготовку фукуса и анфельции, оформить которые в конкретных цифрах сейчас невозможно. За этот труд на морозном льду и в студеной воде государство платит теперь юковской рыбачке пенсию 734 рубля (в масштабах 2000 года. – *Прим. автора*).

В разговорах о деньгах сам собой возникает важный вопрос: а что же с ними делают в Юково? Солят в бочках, как рыбу? Или, может быть, вялят? Каким образом здесь вообще живут-обустраиваются – без электричества, без радио, без почты, без телефона, без магазина, без медпункта и без аптеки? И еще без дороги, разумеется?

– А хорошо живем, – бодро отвечает Аникиев. – Чего нам не жить? Картошка своя, рыба какая хочешь зимой и летом – соленая, свежая, вяленая. Вот муки мешок купим, сахару да чаю, и живем...

В Сумском Посаде (до него примерно два с половиной часа ходу на моторке) у них есть доверенный человек. Он получает обе пенсии, делает закупки товара и с оказией переправляет в Юково. Оказия нечастая, а как приведется случай.

Но и другая проблема существует: не все, к со-

жалению, в селе можно купить, даже в таком большом, как Сумский Посад. Скажем, Аникиев давно заказывает батарейку «крона», чтобы слушать новости по приемнику, а «крону» в село все никак не завозят и не завозят.

Своих домов у этой семьи в Юково целых два. В доме, где мы сейчас пьем чай и неспешно беседуем (он поближе к морю), они живут только летом. На зиму супруги перебираются в глубь деревни, подальше от берега и поближе к единственному здесь колодцу. Второй дом принадлежит самому Аникиеву, он поменьше и потеплей, хорошо держит тепло в бурю и морозы.

Спрашиваю, не обижает ли зверье? Слава Богу, обходилось, отвечают. Правда, однажды Иван Илларионович с собачонкой шел берегом из Колежмы, нёс что-то очень ценное в портфеле, и встретили его на пути три волка. Вышла неприятность.

– Отойдут вперед метров на пятнадцать, сядут и ждут, когда подойду, – рассказывал Аникиев. – Потом еще отойдут и снова ждут. Собака трусит и в ногах путается. И так всю дорогу. А у меня, как назло, с собой никакого оружия нету, кроме портфеля. Думал, не дойду...

Диким криком и зажиганием спичек отпугивал он волков. Потом, когда уже никаких нервов не хватило, забрался на створный знак на берегу и привязал там портфель, чтобы в случае чего не достался он волкам.

Но ничего, обошлось. Не напали.

Интересуюсь, чего же такого ценного нёс рыбак в том портфеле из деревни с магазином глуким январским вечером? Не отвечает Аникиев, уклоняется. А я рассудил: ну что человека мучить вопросами, когда и так всё ясно. Никакой цели заветнее, чем водка, не могло быть в его тогдашнем путешествии. За ней, желанной, и ходил, наверное, полтора десятка километров.

И еще вспомнил старожил, что прошлой осенью рыбаки забыли в бывшей конюшне тушку тюленя. Среди бела дня пришел медведь, попробовал на прочность замок, а потом обошел конюшню с другой стороны. В том месте, где лежал тюлень, не говоря худого слова, вырвал из стены две толстые доски-плахи. Аникиев подчёркивает: «Вырвал, будто трактором...»

С утра на следующий день сходил я на местное кладбище. Оно оказалось невелико, захоронений до ста, не более. Видно, что некоторые могилки регулярно посещаются: на оградках краска подновлена, убирают дурную траву, поправляют памятники. Иные вовсе запущены. Видать, некому

боле приезжать за море в эту дальнюю даль, некому помнить: все уже там, вместе.

По стертой в непогоду надписи на могильной табличке нахожу самую раннюю: 42-й год. Наверное, есть и более ранние, но не найти их теперь. Даже недолгих моих разысканий на кладбище достаточно, чтобы подтвердить сказанное старым рыбаком П.И. Андроновым: не такая уж древняя эта деревня.

При большевиках в Юково организовали крошечный рыболовецкий колхоз. Пользуюсь случаем, записываю со слов супругов имена всех председателей рыболовецкого колхоза «Имени «Калевалы», которые у них на памяти.

«Начинаем с конца, – сказали они мне, – так удобнее вспоминать».

Я записал: последним председателем был Сабуров Виктор Григорьевич. До него эту должность занимала Казачкова Александра Ивановна. Еще раньше председателями были: Самойлов Александр Михайлович, Филатов Михаил Матвеевич, Скулин Арсений Алексеевич, Носов Федор Дьямидович (к слову, бывший муж Лидии Николаевны), Мартынов Николай, Постников Максим, Червов Костя. Во время войны председательствовали Мартынов Алексей Захарович и Фофанов.

Мои хозяева вспоминают, что до войны председателей в колхоз назначал райком партии, сроком на полгода. Вероятно, это и были известные теперь по кино и литературе «уполномоченные». Было этих посланцев без счета, и в памяти никто не задержался.

К слову, колхоз «Имени «Калевалы» умер далеко не первым из подобных карликовых рыболовецких колхозов Поморья. Были хозяйства и пок-

репче, поближе к дорогам и начальству, да раньше юковского приказали долго жить. Этот держался долго, из последних сил.

Уходил я из Юкова рано утром и не попрощавшись. Накануне вечером Лидии Николаевне стало вдруг плохо. Мы с Аникиевым привели её из сеней под руки, уложили в кровать с мокрым полотенцем на лбу.

«Цельный день под солнцем на грядках, – объяснил мне Аникиев. – Тут и здоровому человеку тошно станет. Пройдет».

Он высыпал на стол кучку каких-то таблеток, что-то выбрал и дал. Мне показалось, что в таблетках он понимает меньше моего, а я совсем ничего не понимаю. А под утро, вполводы, чтобы меня не будить, они тихонько собрались и ушли в море проверять сети. На столе оставили тарелку обжаренной корюшки. Мне на дорожку.

*При оформлении материала
использованы фото,
предоставленные
Игорем Георгиевским*

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор семи очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 года.

